И. А. Казанцева

ТРАДИЦИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В КОНТЕКСТЕ «ДЕТСКОЙ» ТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Работа представлена кафедрой истории РГПУ им. А. И. Герцена.

В статье выявляется зависимость индивидуального опыта приобщения к православию и воплощения темы «детства» в современной русской литературе. Показаны две тенденции христианской интерпретации «детства» в современной литературе. Один способ развития традиции духовного реализма И. Шмелева проявляется в усвоении догматической стороны православия и тяготении поэтики к сакральной составляющей (В. Крупин, А. Старостин). Другой вариант отражения этой проблематики воплощается в акцентировании этической проблематики православия через специфику сюжета и композиции (Л. Бородин, В. Астафьев, А. Варламов).

Ключевые слова: *православие, художественный метод, православная аксиология, поэтика, композиция, сюжет, художественные средства.*

I. Kazantseva

TRADITION OF UNDERSTANDING ORTHODOXY IN THE CONTEXT OF THE “CHILDREN’S” TOPIC IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE

The article is devoted to the study of modern Russian literature. The author demonstrates that individual religious experience influences an artistic method. There are some tendencies of the interaction between religion and artistic creation. The basis of V. Krupin’s and A. Starostin’s conception is the unity of the child’s principle and Orthodox values. These writers follow the tradition of I. Shmelev. Another trend is reflected by V. Astafyev, L. Borodin, A. Varlamov. The former embody the dogmatic side of Orthodoxy, the latter reproduce Orthodox ethics by artistic means.

Key words: *Orthodoxy, artistic method, Orthodox values, poetics, composition, plot, artistic means.*

Определяя предмет исследования и учитывая его жанровые ограничения, укажем, что выбор центральной проблемы статьи предопределен местом категории детскости в иерархии православия. Генезис «детской» темы в ее религиозно-христианской интер-

претации восходит к позднему средневековью. И. Н. Арзамасцева обращает внимание на такой принципиальный для нашей проблемы момент: «По мере христианизации духовной жизни средневекового человека вырабатываются формы включения реального детства в письменную культуру – через утверждение культа Младенца Христа и сближение идеала ребенка с ним» [1, с. 67, 68]. Избранный аспект исследования позволяет выявить тенденции русской словесности через влияние основного компонента национальной ментальности на современный литературный процесс. В XX–XXI вв. можно обнаружить своеобразную экстраполяцию христианской идеи «детства» в нескольких вариантах. Они предопределены как внетекстовыми, так и имманентными причинами. Так, например, релятивизм постмодернистской интерпретации реальности приводит к отрицанию концепта «святого» детства. Возможно, литературным первоисточником этой тенденции является нарушающая средневековый канон повесть о царевиче Димитрии Угличском XVII в. Мы ограничимся рассмотрением реализации концепта «святого» детства в светской литературе. Выбор сформулированного аспекта «детской» темы как одного из способов осмысления православия, естественно, предполагает разную степень принятия религиозной аксиологии. Поэтому за рамками данной статьи остаются все варианты «изнаночной» парадигмы детства в литературе, представленные, например, такими произведениями, как «Онтология детства», «День бульдозериста» В. Пелевина или «Будьте как дети» В. Шарова. Исходя из этих положений, в современной светской литературе можно выявить два направления. Их выделение определяется несколькими причинами. С одной стороны, обе интенции словесности имеют общий источник: осмысление православия реализуется в контексте «детской» темы в русле традиции, представленной творчеством И. Шмелева. С другой стороны, дифференциация тенденций продиктована принадлежностью к разным видовым модификациям реализма, что позволяет выделить общие типологические качества и особенности индивидуального творческого метода. Итак, цель предлагаемой статьи – выявить тенденции наследования шмелевской традиции в литературе XX–XXI вв.

В. Зеньковский справедливо заметил: «Детские религиозные переживания непосредственны, музыкальны, неясны, но дитя ощущает мир как живое целое, которым руководит любовно и заботливо “Отец ”» [7, с. 204]. В утверждении ученого важны две ключевые характеристики православного осмысления «детства»: естественного восприятия ребенком изначальной целостности творения и промыслительности жизни. По верному наблюдению И. Ильина, «…с тех пор, как существует русская литература, *впервые* художник показал эту чудесную встречу мироосвящающего Православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой… Шмелев показывает нам русскую православную душу в момент ее пробуждения к Богу, в период ее первого младенческого восприятия Божества; он показывает нам православную Русь – из сердечной глубины верующего ребенка» [8, с. 127]. Три произведения И. Шмелева писались практически в одно время. К середине 1920-х гг. – времени начала работы над «Летом Господним» – относятся «первые опыты в создании религиозно ориентированных художественных книг» [11, с. 134], с середины 1930-х гг. – времени написания всех анализируемых книг – «произведения Шмелева обретают особую духовную глубину» [11, с. 140]. В «Лете Господнем» и «Богомолье» повествование ведется от лица ребенка и дополняется размышлениями умудренного опытом повзрослевшего автора, в очерке «Старый Валаам» – от лица 40-летнего человека, вспоминающего свои студенческие годы. Мудрый взгляд, постигающий существование Божьего замысла о человеке, лишь вскользь упоминается в «Лете Господнем» и «Богомолье», вероятно, младенческий взгляд исчерпывающ в своей полноте. В очерке «детская» тема не только продолжена, она при внешней второстепенности, на наш взгляд, определяет сущностные особенности всей книги и в целом мировоззрение И. Шмелева 1930-х гг. Первое впечатление посе-

щающего Валаам автора – это детское ощущение, передающее благодатность мира и человека. Первое открытие, сделанное во время посещения Валаама, передано в восторженной реплике повествователя о Антипе: «Узнал у вас самое важное, самое глубокое… понял, как в к у ш а ю т х л е б н а с у щ н ы й… и что такое… в к у ш а т ь!» [16, с. 48]. Это взрослое прозрение приходит как озарение вместе с воспоминанием о Господней молитве, воспринятой от Михаила Панкратовича. В отношении к Горкину важен и второй ключевой момент очерка – посещение Большого Скита. Мастерски нюансируя состояние нигилистически настроенного студента, И. Шмелев дополняет его штрихами наблюдений себя постаревшего и ребенка, и возникает одна из самых сильных в художественном плане частей очерка. В полумраке храма рассказчик сдает свой очередной экзамен. Схимонах требует от рассказчика чтения Псалтыри. «Мне тесно. И не могу ослушаться, неловко как-то. И стыдно, что осрамлюсь. Мелькает в мыслях: «может быть, он п р о в и д е ц… знает, что пришли «из любопытства»… и н а р о ч н о, чтобы пристыдить, экзаменует? В волненье вглядываюсь в строки – поразобраться в титлах… и – радость! Знакомое… *с детства* помню. Из «Шестопсалмия»! С Горкиным читали, от всенощных осталось крепко» [16, с. 91]. Влияние Горкина на юного Шмелева не односторонне. Важно, что Горкин почитает детскость в своем воспитаннике и в окружающем мире именно как младенчество и чистоту, которые внемлют иному Царству (рассказ Ивану сна об умершем Мартыне).

Детскость подчеркивается в других героях именно в моменты, когда нужно указать на чистоту помыслов, бескорыстие, наивноверные представления о справедливости (характеристика Федора, Анны Ивановны). В вербное воскресенье Горкин обращает Ваню к фрагменту Евангелия, связанного с детьми, при этом он смешивает разные евангельские события, путает фарисеев и учеников, вероятно, этим лишь подчеркивается его «неученое», но сердечное отношение к священной книге.

Подытоживая воспоминания о поездке, И. Шмелев указывает на ее промыслительный смысл, открывшийся позже. Крики журавлей, ассоциативно перекликнувшихся с теми, валаамскими, натолкнули на выбор писательской стези и обретение себя на пути, ведущем И. Шмелева к православию. Вспоминая две встречи с клином журавлей – в тяжелую пору сомнений и во время свадебного путешествия, – И. Шмелев пишет: «Эти две «встречи» слились в о д н о. С того и началось писательство» [16, с. 112]. Знаковый смысл обретает тема написанного после десятилетнего перерыва рассказа («К солнцу»), посланного в «Детское чтение». Итак, детскость у И. Шмелева предстает, во-первых, как критерий истинности христианских ценностей, во-вторых, как проекция чистоты восприятия мира, в-третьих, как характеристика лучших, православных в своей сущности человеческих качеств персонажей. Специфика авторской позиции И. Шмелева в том, что в основе миросозерцания художника лежит теоцентрическая концепция мира. Признание целостности и иерархичности, положенных в основу тварного мира, определяет роль детского взгляда на мир, он предстает как максимально приближенный к состоянию детства человечества, со свойственной ему полнотой безгреховного существования. Контекст «детской» темы позволяет художнику реализовать художественное отражение вертикальной аксиологической доминанты православия. Обосновывая литературоведческий статус духовного реализма, А. М. Любомудров указывает, что «он не отвергает конкретную действительность, не чуждается социальных, психологических, этических, исторических аспектов, но *дополняет* (курсив. – *А. Л.*) их воссозданием духовной реальности» [11, с. 234, 235]. Именно через указанное своеобразие авторской позиции, бытовую деталь, способ построения диалога и внутреннего монолога выражаются выявленные аспекты детскости у И. Шмелева.

Выбор авторов для исследования определяется, во-первых, принадлежностью к двум основным способам художественной интерпретации христианства в контексте

«детской» темы, во-вторых, значимостью аксиологии православия в творчестве писателей (вне зависимости от их принадлежности к разным вариантам эстетического воплощения темы), в-третьих, анализируемые произведения представляют собой эстетически значимые и узловые произведения. Так, В. Крупин и поздний А. Старостин – одни из немногих современных светских писателей, реализующих в своем творчестве особенности духовного реализма. Показательно, что в числе поздних произведений А. Старостина – «Матрона Московская. Повесть о житии», а последняя вышедшая книга В. Крупина посвящена Афону. Для темы статьи принципиально, что они продолжают заложенную И. Шмелевым традицию осмысления православия в контексте «детской» темы в рамках единой эстетической системы.

Духовная проблематика творчества В. Крупина воплощается через введение категорий христианской антропологии в ткань художественной реальности. Православная трихотомия подразумевает иерархическое взаимодействие трех ипостасей человека. Точка зрения ребенка в рассказе «Первая исповедь» позволяет максимально точно воссоздать реалии церковного таинства исповеди. В. Крупин показывает, как постепенно в миросозерцание ребенка входит понятие «грех». Через сопоставление мирской суетной жизни и душевной работы по осознанию своей греховности происходит постижение основ православной педагогики. Герой рассказа совсем как на уроке в школе при решении трудной задачи подглядывает в тетрадный листочек с исповедью девочки, стоящей перед ним. С этого, казалось бы, вполне суетного шага начинается внутренняя работа по очищению собственной души. Когда сделано следующее усилие по желанию исправиться, беседа со священником для героя становится неожиданно легкой. Достигая психологической достоверности, В. Крупин показывает, как мудрый священник внушает ребенку важность от чистого сердца идущей молитвы на примере жизненно необходимой для мальчика просьбы. В этом рассказе нет текстов молитв, как нет и описания трудностей пути человека, идущего к Богу. Лаконичная фраза завершает произведение: «Вечером Сережа долго молился» [9, с. 75]. Это своего рода итог первой исповеди и результат первого шага на пути духовного становления героя. Таким образом, осмысление православия дано у В. Крупина через «детскую» тему, позволяющую автору реализовать важнейшие функции православной молитвы, в частности способность стяжать благодать.

Опубликованная в год смерти недавно ушедшего писателя исповедальная повесть А. Старостина «Стрела летящая» вся построена на художественном осмыслении силы детской молитвы, воплощенной в иллюстрации заповеди о любви. Название и эпиграф повести взяты из строк 90 псалма. Через опыт души 6-летнего мальчика, для которого православная вера осталась либо как неясное воспоминание (были с отцом в церкви), либо как образ верующей нянечки из приемника-распределителя для детей врагов народа, передана попытка восстановления семейных православных ценностей в нравственном чувстве ребенка. Сила детской молитвы, о которой знает герой И. Шмелева благодаря семейному воспитанию, для Санька реализуется в воплощении чуда, свершившегося по молитве, которой научила наделенная домашним прозвищем «бабанька». Автор композиционно подчеркивает роль детской молитвы одноименной отдельной главой – кульминацией, после которой логичны остальные эпизоды и финал повести. Целостность детского восприятия позволяет воспринять письмо отца как чудо, возможное благодаря любви Бога к ребенку и вере последнего в молитву. Финал повести – благодарность тому, от кого исходит свет и пришло чудо. Ведь не случайно непонятны слова молитв и текст псалма ребенку, даны они в передаче «бабаньки» и ребенка искаженно, важно, что «слов не понимал. А свет чувствовал» [12, с. 37]. В этом детском восприятии у А. Старостина, как и у И. Шмелева и В. Крупина, воплощено теоцентрическое миропонимание, реализованное в выборе точки зрения, основанной на православном понимании мира и человека.

Другая тенденция отражения духовности через «детскую» тему воплощена в произведениях Л. Бородина, В. Астафьева, А. Варламова. Выбор этих авторов предопределен тем, что все они актуализируют православную аксиологию в контексте «детской» темы, но в рамках иных эстетических возможностей, предоставляемых реализмом. К художественной специфике отражения православия в творчестве Л. Бородина и В. Астафьева автор обращался в других исследованиях [15, с. 691, 717]. В задачи данной статьи не входило обоснование видов реализма, оно было предпринято в коллективном труде ИМЛИ РАН [14]. Мы обращаемся к проблеме осмысления православия в современной литературе лишь в контексте «детской» темы в той модификации реализма, которая актуализирует православную аксиологию. Избранных авторов объединяет реалистический художественный метод, альтернативный духовному реализму, узловой характер произведений в творчестве каждого из авторов и в литературном процессе в целом.

В повести Л. Бородина «Год чуда и печали» специфика понимания христианства проявилась в выборе жанра, точки зрения, обращении к принципу романтического двоемирия. «Детская» тема в ее евангельской интерпретации позволяет продолжить художественное освоение автором проблем православной аксиологии на новом, по сравнению с предшествующим творчеством, уровне. В произведении Л. Бородина опосредованно отражено подобие Первообраза в ребенке. Конечно, романтическое сознание в своих концептуальных позициях противостоит православию, но в выборе художественного принципа сказалась специфика прихода к вере. Вспоминая бабушку, писатель отмечает: «Много мне поведала купеческая дочь, но ни слова о Боге… Мы существовали с ней вдвоем в несколько странном национальном поле… То было поле духа, единого национального духа, но, как понял много позднее, духа все же ущербного, ибо без высшей явности духа – Духа Свята; о Его присутствии в мире мне поведано не было. И эта ущербность воспитания так и осталась до конца не преодоленной» [4, с. 9]. Это признание, сделанное в начале нынешнего века, соотносится с проблематикой повести. В мемуарном исследовании «Без выбора» Л. Бородина есть вопрос-суждение, определяющий доминанту художественного метода писателя: «По мере моего (не без сопротивления разума) врастания в православную традицию наклевывалась, вылуплялась в сознании другая проблема: роль литературы вообще в радостях и бедах народных; степень соотносимости литературного фантазирования с истинами национальной религии; анатомирующий момент литературного мышления и его взаимоотношение с синтезом бытия – основной составляющей любой мировой религии» [4, с. 419]. «Детская» проблематика данной повести, на наш взгляд, дает возможность вычленить важнейшие составляющие метода Л. Бородина и проиллюстрировать художественные истоки православных доминант, лежащих в основе его творчества.

Христианская догматика предполагает доверие к подлинности совершенного горнего мира. Отношения между миром реальности и мечты в повести сопоставимы с христианскими онтологическими представлениями с поправкой на детское восприятие. «Правда чувств» ребенка – категория, близкая к толкованию ума в православной аскетике, становится способом доказательства основных библейских истин. Так, например, критерием разделения героинь-двойников становится христианское понимание прощения. Нравственной чистотой ребенка измеряется грех и добродетель, расставляются акценты в судьбах Васиной и Сармы. Наивная этимология, прием остранения и словесная организация диалогов актуализируют мотив христианского покаяния, трансформирующего смысл языческой легенды. Судьба Байколлы и Ри интерпретируется в контексте православного понимания смирения и греха. Показательно, что приемы обобщения, используемые в создании героев двух миров, разные: в мире фантазии персонажи созданы на основе фольклорных принципов, а в мире обыденном – на основе реалистических. «Детский» взгляд наделяет константными

признаками лишь портретные детали Ри и имена цветов. Так Любовь и Красота переводятся в план «эонотопоса» [10, с. 291]. Источником красоты становится пейзаж. «Чувствовать красоту мира – ведь это и значит – любить! Это значит все прочие чувства превратить в любовь, которая становится единственным языком общения души с миром» [5, с. 46, 47]. Одна из важнейших функций пейзажа у Бородина в этот период – пробуждение природой духовности. Это тот пантеизм, который предшествует восприятию природы как одного из Творений Бога. Таким образом, «детская» точка зрения в произведении становится способом художественного отражения пути к православию. Премия «Ясная Поляна», которой было удостоено произведение в 2007 г., на наш взгляд, подтверждает не только его эстетическую ценность, но знаковость в творчестве Л. Бородина, сущностные черты метода которого позволила обрести именно «детская» повесть.

Своеобразие религиозного чувства взрослого человека, прошедшего в детстве мимо православия, но обретающего посох веры благодаря заложенным в юном возрасте ценностям, передано в исповедальной книге В. Астафьева «Последний поклон». После паломничества ко храму Гроба Господня в Иерусалиме писатель отмечал, как подготовленные в детстве изменения привели к духовному возрастанию, отраженному в позднем творчестве художника: «Входят в нишу Гроба Господня одни люди – выходят другие… Может, я всю жизнь готовил себя к этому... За несколько минут происходит такое, что объяснить очень трудно… Это самоочищение, прежде всего, это какой-то свет, который тебя всю жизнь тревожит и как-то освещает» [13, с. 3]. Своеобразие авторского повествования дает возможность постичь, как формировалось религиозное чувство В. Астафьева. При сопоставлении трех книг «Последнего поклона» становится очевидным, что в первой часто дана эмоциональная оценка веры Катерины Петровны, воспроизводится обрядовая сторона православия, которому неформально следовала бабушка. В более аналитичных второй и третьей книгах оцениваются типы отношения к религии. Размышления о лживом благочестии, конечно, принадлежат постаревшему В. Астафьеву, но истоки различения веры и ее имитации – родом из детства. Именно детский взгляд чуток к проявлению несправедливости и фальши. Описанию своего крещения в младенчестве автор посвятил значительный эпизод, объясняющий характер его религиозного чувства и отношение к родным по линии отца. В суевериях и язычестве бабушки Катерины Петровны больше смысла и искренности религиозного чувства, чем в показном благочестии папиной родни. Лишь в конце третьей книги упомянет с удивлением взрослый герой: «Вдруг совсем-совсем недавно, совсем нечаянно узнаю, что не только в Минусинск и Красноярск ездила бабушка, но и на моленье в Киево-Печерскую лавру добиралась, отчего-то назвав святое место Карпатами… Мамочка родная! А я и не знал такой подробности в жизни бабушки, наверное, еще в старые годы добиралась она до Украины, благословясь, вернулась оттуда, да боялась рассказывать об этом в смутные времена, что как я разболтаю о молении бабушки, да из школы меня попрут, Кольчу-младшего из колхоза выпишут…» [3, с. 425]. Тексты молитв и Священного Писания становятся художественным средством для передачи формирующегося религиозного чувства (например, цитирование молитвы «Во благословление стада», текст каждодневной молитвы оптинских старцев, которые читала Катерина Петровна). В завершающих книгу рассказах – обращение к истокам, традициям, косвенные подтверждения того, что присутствие веры осветило жизнь людей, воспитавших В. Астафьева. Аллюзии на текст Апокалипсиса в бабушкином пересказе получат развитие в цитатах-резюме взрослого внука из Откровения святого Иоанна Богослова («Бабушкин праздник»). «Старые и малые – все опять вместе, в тишине, в единстве и согласии – «там, где нет ни болезней, ни печали, ни стонов, но жизнь бесконечная» [2, с. 201]. Таким образом, доминанта «детской» темы позволяет автору реализовать замысел книги о становлении человека и поколения и

художественно акцентировать ключевое место православной проблематики через актуализацию этической стороны данного вероучения.

В повести А. Варламова «Рождение» «детская» тема лежит в основе глубоко личной истории. Рождение понимается многопланово: это одновременно умирание (освобождение в человеке образа и подобия Бога) и появление нового человека. Этот смысл реализуется на двух уровнях: душевном (конкретно-бытовом) и духовном (онтологическом). Детскость как сущностная категория, ведущая Мужчину к новой, теоцентрической картине мира, проявляется в аналогиях. Так, в описании младенца акцентировано одновременное воплощение и «образа», и «подобия» как реальности и возможности. Ключевые черты героев претерпевают изменения под воздействием евагельски понятого детского начала. «Детскость» рассматривается не только как онтологическая категория, но и как реальность (восприятие чужих больных детей и первоначальное отношение к известию о болезни своего ребенка). «Детское» начало символизирует реальность духовного преображения Мужчины и Женщины. «И он подумал, что его жена оказалась гораздо мудрее и перестала бояться. Совершенная любовь не знает страха. К этому очень долго и трудно идти, но, перенеся столько страданий, испытываешь только одно чувство – благодарности» [6, с. 30], – таков итог пути к вере Мужчины и Женщины. Совершенная любовь –это именно евангельская любовь, невозможная без детскости, чистоты, которая вошла в мир вместе с Богоматерью и Спасителем, а в мир этой семьи вместе с его «образом и подобием» – младенцем. Символичность финала акцентирована датой спасения младенца – праздником Сретения. Старец Симеон предсказывает будущее Иисуса, который победит смерть в вечности затем, чтобы год за годом конкретный человек обретал смысл рождения физического (временного) и духовного (вечного). Как в крещении происходит рождение нового человека, так каждому рожденному дается шанс победить тьму в своей душе, дать выход свету, воплощающему образ и подобие Божье в нем. Итог нравственных исканий героев повести А. Варламова «Рождение» определяется принятием этической ценностной доминанты православного вероучения.

Итак, современные писатели доказали плодотворность традиции, начатой И. Шмелевым. Специфика индивидуального опыта и стиля проявилась в особенностях каждого из путей художественного осмысления взаимодействия религии и «детской» темы. Детскость понимается в евангельском смысле, поэтому детский взгляд на мир предстает как истинный. Реализуется это через подчеркивание детского начала в лучших героях, указание особого отношения к детству как к периоду наиболее чуткому к восприятию божественности мира, отвечающему требованиям познания Бога сердцем, а не разумом, доминирование данного взгляда на мир и человека. «Встраивание» «детства» в православную онтологию происходит лишь в случае свойственной духовному реализму теоцентрической концепции миропонимания, признающего промыслительность жизни. Общность функционирования «детскости» проявилась в исповедальности. Можно выявить зависимость роли православия в мировоззренческой системе писателей и специфики художественного метода, следствием чего становится сходство средств поэтики, формы повествования. У И. Шмелева, В. Крупина и А. Старостина происходит усвоение догматической стороны православия и освоение эстетики сакрального текста, что позволяет говорить о развитии традиции духовного реализма. В. Астафьев, Л. Бородин, А. Варламов воплощают не всю систему православного вероучения, но апеллируют к этической составляющей православия. Наследование традиции И. Шмелева в их творчестве проявилось в репрезентации концепта «святое» детство, выборе точки зрения, через которую осмысляется православная аксиология. Пантеистическое начало, актуализированное этими авторами, объясняется выбором одной грани целостной религиозной системы. Осмысление православия в контексте «детской» темы в современной литературе

представлено в двух обозначенных тенденциях, показавших плодотворность традиции И. Шмелева и широкие возможности модификаций реализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арзамасцева И. Н.* Художественная концепция детства в русской литературе 1900–1930-х гг.: дис. … д-ра филол. наук. М., 2006. 453 с.

2. *Астафьев В. П.* Последний поклон: в 2 т. М. : Молодая гвардия, 1989. Т. 1. 461 с.

3. *Астафьев В. П.* Последний поклон: в 2 т. М. : Молодая гвардия, 1989. Т. 2. 336 с.

4. *Бородин Л. И.* Без выбора. М.: Молодая гвардия, 2003. 505 с.

5. *Бородин Л. И.* Год чуда и печали. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1991. 239 с.

6. *Варламов А. Н.* Рождение // Роман-газета. 1997. № 15. С. 1–30.

7. *Зеньковский В. В.* Психология детства. Екатеринбург: Деловая книга, 1995. 348 с.

8. *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1993–1998. Т. 6. Кн. 2. 672 с.

9. *Крупин В. Н.* Костя отмучился. Рассказы // Роман-газета. 1997. № 9. С. 35–79.

10. *Лепахин В. В.* Икона и иконичность. СПб.: Успенское подворье Оптиной Пустыни, 2002. 399 с.

11. *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 272 с.

12. *Старостин А. С.* Стрела летящая // Москва. 2007. № 5. С. 8–48.

13. «Так хочется жить»: интервью В. Астафьева с И. Ришиной // Литературная газета. 1995. 8 февраля. С. 3.

14. Теория литературы: Литературный процесс. М.: ИМЛИ РАН, 2001. Т. IV. 624 с.

15. Христианство и русская литература / отв. ред. В. А. Котельников и др. СПб.: Наука, 2006. Сб. 5. 741 с.

16. *Шмелев И.* С. Старый Валаам. М.: Образ, 2006. 128 с.

REFERENCES

1. *Arzamastseva I. N.* Khudozhestvennaya kontseptsiya detstva v russkoy literature 1900–1930-kh gg.: dis. … d-ra filol. nauk. M., 2006. 453 s.

2. *Astaf'yev V. P.* Posledniy poklon: v 2 t. M. : Molodaya gvardiya, 1989. T. 1. 461 s.

3. *Astaf'yev V. P.* Posledniy poklon: v 2 t. M. : Molodaya gvardiya, 1989. T. 2. 336 s.

4. *Borodin L. I.* Bez vybora. M.: Molodaya gvardiya, 2003. 505 s.

5. *Borodin L. I.* God chuda i pechali. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye kn. izd-vo, 1991. 239 s.

6. *Varlamov A. N.* Rozhdeniye // Roman-gazeta. 1997. N 15. S. 1–30.

7. *Zen'kovsky V. V.* Psikhologiya detstva. Yekaterinburg: Delovaya kniga, 1995. 348 s.

8. *Il'in I. A.* Sobr. soch.: v 10 t. M.: Russkaya kniga, 1993–1998. T. 6. Kn. 2. 672 s.

9. *Krupin V. N.* Kostya otmuchilsya. Rasskazy // Roman-gazeta. 1997. N 9. S. 35–79.

10. *Lepakhin V. V.* Ikona i ikonichnost'. SPb.: Uspenskoye podvor'ye Optinoy Pustyni, 2002. 399 s.

11. *Lyubomudrov A. M.* Dukhovny realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B. K. Zaytsev, I. S. Shmelev. SPb.: «Dmitriy Bulanin», 2003. 272 s.

12. *Starostin A. S.* Strela letyashchaya // Moskva. 2007. N 5. S. 8–48.

13. «Tak khochetsya zhit'»: interv'yu V. Astaf'yeva s I. Rishinoy // Literaturnaya gazeta. 1995. 8 fevralya. S. 3.

14. Teoriya literatury: Literaturny protsess. M.: IMLI RAN, 2001. T. IV. 624 s.

15. Khristianstvo i russkaya literatura / otv. red. V. A. Kotel'nikov i dr. SPb.: Nauka, 2006. Sb. 5. 741 s.

16. *Shmelev I. S.* Stary Valaam. M.: Obraz, 2006. 128 s.